

UOT 141.2

[https://doi.org/10.30546/ifs.2024.1\(42\).006](https://doi.org/10.30546/ifs.2024.1(42).006)

ТРИЛИНГВИЗМ ТВОРЧЕСТВА МУХАММЕДА ФИЗУЛИ
(статья посвящается 530-летию величайшего Азербайджанского поэта
Мухаммеда Физули)

Али Абасов

профессор, доктор философских наук,
Институт Философии и Социологии НАНА, Азербайджан
kila50@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4528-5797>

Светлана Адыгезалова

Доцент, доктор философии по философии
Азербайджанский Государственный Педагогический Университет, Азербайджан
asveta53@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7573-6878>

Резюме. Мухаммед Физули принадлежал к редкостной группе деятелей средневековой мусульманской культуры, которые не только говорили, но и создавали образцы философского, мистического, прозаического и поэтического творчества на трех основных языках исламской цивилизации (арабском, персидском и тюркском). В этом творчестве Физули иногда достигал пределов лингвистической революции, разрушавшей старые и возводящей новые каноны языка. Эта революционная новация в области тюркского языка не только признается всеми исследователями творчества великого поэта и мыслителя XVI века, но и интерпретируется как поворотный пункт формирования языков этой группы и их самостоятельного развития до состояния языков литературных, основанных на конкретной национальной ментальности, выработанной спецификой исторической динамики каждого тюркского народа.

Статья носит постановочный, проблемный характер, в ней выдвигается ряд гипотез, которые предстоит проанализировать современным и будущим специалистам по творчеству М. Физули, созданному на основе трилингвизма («трехязычия»).

Ключевые слова: М. Физули, творчество, мистика, религия, философия, язык, сознание, интуиция, мышление, трилингвизм

*Я приготовил поэтический пир для народов этого мира и эпохи;
за этим столом много удовольствий и щедрот.*

Пусть моими гостями будут турки, арабы или персы;

Пусть приходят все, кто желает; пусть берут, что хотят.

Их удел будет вечным благословением, которое не уменьшится.

М.Физули

Прежде всего рассмотрим наиболее распространенные представления о языке, речи и их связи с сознанием и мышлением человека. Согласно (24), язык – это форма мысли.

«Сознание – это самоорганизующаяся система понятий как образов действительности (в которую включается, кстати, и сам человек). Мышление – это сознание в действии, в динамике. Язык – это особая, более или менее самостоятельная система или организация языковых средств (единиц, категорий). Речь – это функционирование языка или язык в динамике» (см.24).

Более или менее единое для всех народов, *концептуальное сознание* представляет собой инвариантное, присущее всему человечеству видение мира, ведущее к взаимопониманию и позволяющее осуществлять единую деятельность. *Языковое сознание* – это национально-специфический аналог концептуального сознания. Это особым образом организованная форма мысли. «В свою очередь необходимо различать языковое сознание и речевое мышление. Последнее как раз и является результатом взаимодействия концептуального и языкового сознания» (24). Язык, вопреки устоявшемуся мнению, не отражает внешний мир, а лишь выражает представления и идеи о нем человека.

В чем заключены схожесть и различия трех основных языков исламской цивилизации? Говоря об арабском языке, следует отметить его принадлежность к большому семейству семитских языков, широкое развитие в нем синонимии, многозначности слов и омонимии. Основными способами словообразования являются: морфологический (по словообразовательным моделям и формулам), синтаксический и семантический (5).

Общая (арабская) азбучная и фонетическая основа «трех языков ислама», широкое использование в них арабских слов и терминов, связанных с ментальностью и абстрактным мышлением, тем не менее не смогли нивелировать глубинную специфику персидского и тюркского языков, которая регулярно демонстрировала свои креативные мировоззренческие возможности в поэзии этносов и народов – источнике средневековой ментальности.

В течение двух последних веков были проведены масштабные исследования, связанные с выяснением роли языка в формировании специфики мозга, восприятия, познания и функционировании сознания и мышления человека, преимуществами знания одним человеком нескольких языков. Такие исследования в немалой мере затронули и обсуждаемые нами языки. Так, было установлено, что даже плохое знание двух и более иностранных языков намного улучшает когнитивные способности человека, и при этом выяснилось, что языки по-разному действуют на его нейромозговые структуры (17). Поскольку связи в мозге формируются по большей части в детстве и, главным образом, при помощи обучения и общения с окружающей средой, то работа нейроструктур жестко устанавливается определенным образом и влияет на дальнейшее восприятие информации, а также на когнитивные возможности человека в зрелом возрасте. (17). Таким образом, уже в раннем возрасте у человека складывается уникальная основа ценностного восприятия мира посредством определенного языка, семантически являющегося порождением конкретной культуры. Поэтому можно наблюдать разницу практик использования языков в различных странах их применения.

Сравнительный анализ выявил, что «у носителей арабского языка более тесная связь между левым и правым полушариями мозга, нежели у носителей немецкого, у которых более плотные связи в речевой сети левого полушария, в отличие от правого. У людей, для которых родной язык – немецкий, в умственной работе больше задействовано левое полушарие, а связи с правым, как правило, малоактивны. Между тем именно левое полушарие мозга у всех людей отвечает за логическое мышление, математические расчеты и прагматизм. Немцы, как и многие другие европейцы из сходной языковой группы, как раз славятся подобными качествами» (17). Напротив, у арабговорящих людей в основном задействована правая часть мозга и наблюдается устойчивая связь между обоими полушариями. «Активность правого полушария вызвана сложным фонетическим звучанием арабского языка, и отсутствием гласных в его словах на письме. Поэтому для того, чтобы понять, как читается слово, которое написано одними согласными, надо иметь не только большой словарный запас, но и постоянно держать в голове контекст прочитанного. Благодаря такой усиленной работе памяти, нейромозговые связи поддерживаются в устойчивом тоне» (17). Можно было ожидать, что у арабговорящих людей мозг развит лучше, поскольку структуры обоих полушарий человека находятся в постоянной активной работе, а их связи намного устойчивее, чем у европейцев. «Поскольку у людей, говорящих по-арабски, в силу семантики языка, ведущим является все-таки правое полушарие, которое образно отвечает за красоту и идеал, то и их жизненные устремления в большей степени лежат именно в этой плоскости. Между тем левое полушарие

мозга у них активно задействовано, поскольку арабская вязь пишется справа налево, а математические расчеты производятся так же, как и у всех образованных людей» (17, Прим.1).

Необходимо также учесть, что основа привычного «европейского» мышления заложена греческими мыслителями и развивалась западной цивилизацией. Оно построено на том, что можно назвать субстанциальным взглядом на мир, по которому любые качества могут быть переданы словами (а значит, и мыслью) в их связи с субстанцией, которой они предписывают то или иное качество. Это язык, в котором к субстанции присоединены качества, называемые акциденциями, случайными признаками. «И весь наш взгляд на мир - это взгляд на некую совокупность качеств, которые существуют не сами по себе, а присоединены к определенным вещам, под которыми человек всегда подразумевает некую субстанцию» (16). Напротив, в арабском языке доминирует процессуальный взгляд на мир. «Логика этого языка связывает не субстанцию с качествами, а процесс, поэтому здесь окружающий нас мир - это собрание процессов. И то, что мы видим в мире, прилепляется к процессу точно так же, как качество прилепляется нами к субстанции. Лексика, которая связана с процессуальностью, в арабском языке занимает неизмеримо большее место, чем в русском языке. Соответственно, мир видится по-другому, мир выстраивается по-другому и для стихийного языкового сознания, и затем в теоретической рефлексии» (16). Такое фундаментальное различие языков демонстрирует, что текст является живым, кристально ясным исключительно для носителя языка его написания, а перевод представляет собой ту или иную степень соответствия оригиналу текста.

Итак, «В арабском языке процессуальная лексика предпочтительнее, чем глагольная и субстанциальная лексика. Мышление, использующее этот язык, может фиксировать мир как процесс, может видеть основание устойчивости мира в процессе - то, что со времен греков мы считаем невозможным, связывая процесс с протеканием во времени, а значит, с неустойчивостью. А здесь, напротив, устойчивость может быть найдена именно как процессуальная. Это задает совершенно иное направление философскому и научному мышлению, и это объясняет, почему мы испытываем некоторое ощущение странности, когда всерьез вчитываемся в тексты, созданные таким мышлением» (16).

Интересно, что в арабской культуре сам человек понимается как некоторый процесс, процессуальность, «которая связывает душу и тело как внутреннее и внешнее, как активное и пассивное. Отсюда совершенно другой взгляд на телесность, на совершенство, на человеческие цели, человек иной культуры совершенно спонтанно делает неверный вывод о соотношении в этой ментальности категорий души и тела. Основание различия - мировоззренческий зазор между субстанциальным и процессуальным взглядами на мир» (16). Поэтому разные культуры даже на самом простом уровне плохо понимают друг друга.

Приводимые нами результаты исследований и различные гипотезы, связанные с глубинной сущностью языков, в данной статье должны отчасти классифицировать специфику творчества (поэзии и прозы) М. Физули, созданной на трех языках. Как несколько метафорически пишет Абдуллах: «От образов, порождаемых словами в воображении, в конечном итоге зависит ваше поведение. Будете вы бездумной марионеткой в руках тех, кто знает Настоящие Имена вещей, либо вы будете сами видеть вещи в истинном свете и называть их своими именами» (см.1). Кроме того, арабы весьма изощренно используют возможности словообразования, «погружая человека в словесные ассоциации, порождающие богатые образы воображения, благодаря чему человек может адекватно отвечать на возникающие ситуации в обыденной жизни, и четче понимать и передавать глубокие научные понятия» (1). Совершенно очевидно, что в области литературного творчества эти особенности арабского языка позволяли органически переплести религиозные, философские, мистические и поэтические тексты, что привело к созданию интегрального восточного языка культуры и творчества. Этим объясняется выдающаяся роль именно поэзии в исламской ментальности, а также значение таких мастеров метафорического и иносказательного слова, как Низами и Физули. В этой связи показательны слова Р. Эль Сабрути: «В условиях художественного контекста лексика, получив дополнительные смысловые оттенки и экспрессивную окраску,

имеет эффективное влияние на восприятие информации. Синтаксические конструкции приобретают в художественном контексте особое звучание, провоцируют создание образного смысла. Лидирующую роль в категории экспрессивности занимает метафора. Употребление метафор в художественном тексте расширяет представление о языковом пространстве текста. Кроме того, метафора фиксирует традиционные черты народной ментальности, отражает картину национального самосознания» (25, Прим.2). Наконец, «люди могут проявлять различные типы своего «Я», в различных ситуациях. Это служит подтверждением того, что язык, может служить в качестве средства для проявления различных сторон своего «Я» (26).

Тесная связь любого языка с сознанием и мышлением человека, его культурой и духовной жизнью была заложена еще в рамках философско-лингвистической концепции к изучению языка, одним из основателей которой был В. Гумбольдт. «Язык, с философско-лингвистической точки зрения, не представляет собой прямого отражения мира, а осуществляет интерпретацию мира человеком. Всякий язык, обозначая отдельные предметы, в действительности созидает; он формирует для говорящего на нем народа картину мира. Каждый язык (по В. Гумбольдту) образует вокруг народа, к которому он принадлежит, круг, выйти за пределы которого можно, только вступив в другой круг. В то же время язык, будучи системой мировидения, оказывает регулирующее воздействие на человеческое поведение: человек общается с предметами так, как их преподносит ему язык» (см.4).

Люди имеют разные мыслительные паттерны. Аналитическое мышление подразумевает «изъятие объекта из контекста и фокусирование на его атрибутах, тогда как холистическое мышление требует ориентации на контексте как целом. Культурологические отличия в стилях мышления обнаруживают, что обществу Восточной Азии свойственно холистическое мышление, а западному обществу – аналитическое. Восточные культуры традиционно смотрят на вещи как на целое, западные же фокусируются на элементах, из которых эти вещи состоят» (10).

«Билингвизм приносит когнитивные преимущества не только в языковой сфере. В настоящее время нет доказательств, что билингвизм влияет на интеллект, но данные указывают на более высокие способности при выполнении невербальных задач как у детей, так и у взрослых. Есть также доказательства когнитивных преимуществ билингвизма в других смежных областях, таких как креативность (выражающаяся в необычности мыслительных процессов и гибкости мышления) и производительность памяти» (10).

Результаты показали опережение двуязычных участников в тестах на эпизодическую память и вербальную беглость. Мыслительные процессы могут отличаться по глубине и сложности, что проявляется в словах, которые люди используют для выражения своих мыслей. Используя факторный анализ и классифицируя функциональные слова, обнаружено три фактора, позволяющих выделить сильно отличающиеся между собой стили письма, - формальный, аналитический и повествовательный. «В частности, аналитический фактор, отражающий сложность когнитивной сферы, выделяет людей, склонных к структурному разбору окружающего мира. Люди с высоким уровнем аналитического мышления читают больше и традиционно располагают более комплексными взглядами в отношении самих себя, чем люди с низким уровнем. Слова, воплощающие аналитические мыслительные процессы, содержат исключения, отрицания, слова, указывающие на причинность, слова для выражения проницательности, количественные слова, неопределенные слова и слова для выражения уверенности» (10).

Как и любой другой, персидский язык улучшает когнитивные функции, такие как память, внимание и концентрация. Вообще, изучение второго языка может помочь улучшить многозадачность и способность переключаться между задачами. Это связано с тем, что изучение языка требует от нас постоянного переключения между различными языковыми структурами и правилами. Повышает творческие способности, поскольку каждый язык может помочь нам видеть мир по-другому и находить нестандартные решения задач (см.11).

В персидском языке нет падежей, падежные значения выражаются предлогами и послелогами, окончание глагола меняется в зависимости от лица, у глагола нет рода и времен

не так много. В персидском логика изложения мысли во многом схожа с русской, поскольку русский и персидский языки относятся к одной языковой группе индоевропейских языков (см.27). «Мелодичность, протяжность, теплые звуки фарси – язык будто специально был создан для поэзии и песен. Омар Хайям, Хафиз, Саади, Руми – все они писали на персидском. Наши переводы их творений жертвуют либо смыслом ради формы, либо наоборот. В переводе нам никогда не услышать музыки их стихов, не понять их истинного величия. Выучив фарси, вы сможете понимать их, ведь язык с тех времен почти не изменился» (12).

Обратим внимание на тот факт, что специалисты считают сознание ираноязычных народов исторически принципиально городским: «психологическая, космологическая, этическая детерминация этого сознания была тесно связана с городом более двух тысяч лет (!). Развитие письма, искусство каллиграфии и богатейшее книжное производство в средние века обязаны целиком и полностью горожанам» (2, Прим.3). Согласно гипотезе Сепира-Уорфа люди членят природу по линиям, проложенным их родным языком, поэтому язык – это «символический ключ к поведению» и свой опыт человек или этнос интерпретирует через призму конкретного языка, что наиболее ярко проявляется во взаимосвязи его языка и мышления. Вместе с тем, существует языковая призма преломления между действительностью и ее восприятием. Обработка синтаксической и семантической информации происходит в основном в областях мозга, расположенных в левом полушарии, а звуки и интонация обрабатываются центрами в правом полушарии либо одновременно в обоих полушариях, а затем вся полученная информация интегрируется в единое целое в левом полушарии. Важный представляется вывод: структурные особенности речевых/языковых областей мозга не являются врожденными и не связаны с этнической принадлежностью. Изучая иностранный язык, человек получает большую пластичность своего мозга. Определенная логика культуры мышления у таких людей может ими сознательно нарушаться в поэтическом творчестве (использование метафор, иносказаний и т.д.), что можно наблюдать в творчестве М. Физули.

Другой язык в голове формирует у человека иное мировоззрение и самоощущение, новый язык дает человеку новую идентичность, новый язык, иностранный не связан с прошлым опытом, с детством человека, человек вкладывает в слово не понятие, которое записано в словаре, а свой опыт, свои переживания, свои наблюдения, свои ассоциации (см.8). Картина усложняется, как и ее результат, в случае трилингвизма, которым пользовался Физули. Очевидно, что осуществление столь грандиозной миссии базировалось на уникальных когнитивных процессах и гениальном воображении, порожденных единством и противоречием триптихов картин мира и их осмысления в границах ментальности одной личности. Современные исследования в области многоязычия (мультилингвизма), в частности трилингвизма вскрыли множество любопытных фактов, которые отчасти объясняют специфику творчества художников слова – трилингвистов. Люди, активно владеющие двумя (билингвы) или более языками, как считается, имеют более развитые исполнительные функции, мозг мультилингва обычно более «ловкий», обладает более быстрой и точной реакцией и способен лучше действовать в ситуациях неоднозначности, например, разрешать конфликты или парадоксальные ситуации, порожденные логикой или самой жизнью. Развивается изощренность мозга, он становится более подготовленным к проблемным ситуациям (см.13). «Поскольку ход рассуждений человека определяется двумя различными моделями мышления (сознательная - систематическая, аналитическая, с интенсивными когнитивными процессами, и бессознательная - быстрая и нагруженная эмоциями), предполагалось, что второй язык позволяет дистанцироваться от автоматических бессознательных процессов, дать дорогу аналитическому мышлению и снизить уровень необдуманной эмоциональной реакции. Таким образом, говорящие на двух языках имеют более высокий уровень критического мышления и навыков принятия решения» (13).

Представляется, что исследование творчества М. Физули с позиций его принципиального и всесторонне разработанного поэтом трилингвизма, применение к нему исследований в различных областях современной психологии – тема слабо, а возможно, и вообще не

разработанная в мировом физиуведении. В этой связи предстоит кропотливая работа по исследованию многочисленных проблем реконструкции уникальной поэтики, результатом которой может стать новая интерпретация специфики личности и уникальности творчества Мухаммеда Физули. На первых порах эта работа будет способствовать выявлению отдельных фрагментов картины мира гениального творца художественного слова, а в дальнейшем, возможно, реконструкции всей мозаики этой картины.

Мы начнем с «простых», напрашивающихся вопросов, которые, тем не менее, позволят более искушенным исследователям М. Физули перейти со временем к содержательным вопрошаниям относительно его личности и творчества. Диктовала ли тема или внутреннее содержание каждого задуманного Физули произведения выбор одного из трех языков? Считал ли поэт в силу специфики своего ментального мира важным для раскрытия темы – соответствие определенного языка ее выражения?

Чисто интуитивно хочется положительно ответить на эти вопросы, но логика исследования требует детального обзора всех известных произведений Физули, их поэтики и философии, которые, безусловно, соотносимы со структурой и логикой трех языков. Как работала схема связи «Хафт Джэм» («Семь кубков») – произведения, написанного на персидском языке, с тем или иным музыкальным инструментом, типом музыки? Примеры связи физики мира (звуки и т.д.) с поэзией, мышлением в образах, в терминах логики или интуиции (Su Kasidesi – Касыда о воде, можно найти другие примеры). Кого еще имел в виду Физули, когда провозглашал: «Пусть приходят все, кто желает; пусть берут, что хотят»? – скорее всего, будущие поколения всех, а не только восточных, народов, что, собственно говоря, и произошло. Необходим поиск в творчестве Физули следов двух великих авраамических культур, предшествовавших исламу. Можно ли определить по творчеству оценку и отношение Физули к парадигмам Ветхого и Нового Заветов? Нам известно, по крайней мере, что в отношении древнегреческой философской мысли эта оценка проводится в сравнении и предпочтении норм Корана в «Матла ул-Итигат», написанном на арабском языке.

Перу Физули принадлежат «Диваны» на трёх языках – тюркском (азербайджанском), персидском и арабском, поэма «Лейли и Меджнун» написана на тюркском языке, аллегорические поэмы «Опиум и вино», «Спор плодов», «Семь чаш», «Тело и болезнь», «Ринд и Захид», «Друг сердечный», сатирическое послание «Книга жалоб», философско-дидактические трактаты «Восхождение убеждений», «Сад блаженных», «Сорок притч», созданных во всех поэтических формах лирического жанра своего времени: газель, касыде, кыте, мустазад, теркиббэнд, терджиббэнд, мураббе, мухаммас, мусаддас и рубай (см.7).

Приведем любопытное наблюдение о том, что недостижимость творчества Мухаммеда Физули на азербайджанско-тюркском языке обуславливается тем, что при творении своих газелей, помимо поэтики, автор также руководствовался законами математической логики, что способствовало созданию своего рода бейтов-силлогизмов, или даже математических уравнений (7). Полагается, что основные мотивы арабских стихов Физули объединяют образ самого поэта (основной) и образ его возлюбленной (производный, созерцаемый через призму его отношения к ней). Оба эти основных образа бесконечно повторяются почти в любом из персидских и тюркских произведений, то конкретизируясь, приобретая характер, близкий к реальности, то теряя конкретность, приближаясь к основным концепциям суфизма, хуруфизма и бекташизма (15). Напомним, что во времена жизни поэта - XVI веке - возникло несколько тюрко-персидских империй: Османская империя в Малой Азии и Юго-Восточной Европе, Сефевидская империя в Персии и Могольская в Индии (21), а за два века до этого – письменная азербайджанская литература (3), достигшая вершин в творчестве Физули XVI века. Это дало ему основание заявить в поэтической форме:

О благословенные араб, тюрк, перс (Аджам)

(Всевышний) Ты сделал араба прекрасным, ясным говорящим человеком мира, а перса (аджама), как Иисуса, прекрасным, красноречивым говорящим словом.

Я не упускаю из виду и тюркский язык (см.28).

То есть Физули прекрасно осознавал свою историческую роль в совершенствовании тюркских языков. И смог объяснить в поэтической форме величие своего литературно-художественного подвига: «Примеры поэзии, написанной на персидском языке, многочисленны, поэтому сложно создать тонкую поэзию на турецком языке. Потому что это требует большего поэтического таланта. Именно по этой причине многие, взявшие в руки карандаш, не могли принять соответствия состава тюркского диалекта поэту и говорили на этом языке несвязные и запутанные слова. Если у меня есть соответствие, я сделаю этот вызов легким и создам красивые и тонкие примеры на этом языке. Точно так же, как листья роз покрывают шипы, когда приходит новая весна» (см. 28).

О специфике тюркских языков и выстроенных на их основе культурах написано немало исследований, среди которых, конечно же, следует выделить работу Н. С. Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре» (20). Глубокий знаток тюркской культуры и языка, Трубецкой писал: «При сравнении отдельных тюркских языков между собой легко выявляется один общий тип языка, яснее всего выступающий у алтайцев. Тип этот характеризуется своей необычайной стройностью. Звуковой состав слов нормируется рядом законов, которые в чисто тюркских, незаимствованных словах не терпят исключений...

Подводя итог всему сказанному о тюркском языковом типе, приходим к заключению, что тип этот характеризуется схематической закономерностью, последовательным проведением небольшого числа простых и ясных основных принципов, спаивающих речь в одно целое. Сравнительная бедность и рудиментарность самого речевого материала, с одной стороны, и подчинение всей речи как в звуковом, так и в формальном отношении схематической закономерности - с другой, - вот главные особенности тюркского языкового типа» (20, прим.4). В отношении поэзии важны следующие характеристики (см. прим.5).

Между тем любопытно и то, что писал русский мыслитель о психологии тюрков: «Типичный тюрк не любит вдаваться в тонкости и в запутанные детали. Он предпочитает оперировать с основными, ясно воспринимаемыми образами и эти образы группировать в ясные и простые схемы. ...те схемы, на которых, как мы видели, строится тюркское духовное творчество, отнюдь не являются продуктом философской абстракции и даже вовсе не носят характера чего-то нарочито обдуманного. Наоборот, они подсознательны и существуют в психике как неосознанная причина той психической инерции, благодаря которой все элементы психического материала сами собой укладываются именно в таком, а не в ином порядке: это возможно благодаря особенной элементарности и простоте этих схем. ...Тюркская фантазия не бедна и не робка, в ней есть смелый размах, но размах этот рудиментарен: сила воображения направлена не на детальную разработку, не на нагромождение разнообразных подробностей, а, так сказать, на развитие в ширину и длину; картина, рисуемая этим воображением, не пестрит разнообразием красок и переходных тонов, а написана в основных тонах, широкими, порой даже колоссально широкими мазками. Это стремление к разрастанию вширь, глубоко характерное для тюркского творчества, внутренне обусловлено теми же основными чертами тюркской психики. Мы видели, ...что длинные поэмы построены на тех же правилах, как и короткие двустишия. Благодаря элементарности материала и отчетливой простоте схем построение может легко растягиваться до произвольно больших размеров. И в этом растяжении воображение тюрка находит удовлетворение» (20). Своеобразен и жизненный уклад, и мирозерцание тюрков (см. Прим. 6).

Грамматическая система любого языка - это наиболее устоявшаяся и медленно поддающаяся изменению часть языкового строя. Ее формирование осуществляется в течение многих веков и даже тысячелетий, и поэтому в ней не могут не отражаться особенности национального менталитета и мышления, обусловленные социо-политическим климатом и культурно-этическими ценностями, характерными для той или иной нации. И поэтому полагаем, что по ней можно сверять определенные экстралингвистические события (9).

1. В тюркских языках существует постоянная потребность соотносить любое имя или предмет с лицом. «В основе этой категории лежит идея обладания одного объекта другим. В

менталитете тюркского человека изначально заложено стремление подчеркнуть принадлежность и одушевленного объекта, и неодушевленного предмета определенному лицу. Без конкретизации такой принадлежности предметы как бы не существуют» (9).

2. Для грамматической системы тюркских языков особо значимой является категория каузативности, иначе называемая категорией понудительности. «Семантика этой категории состоит в том, что с помощью специальных грамматических аффиксов выражается значение принуждения осуществить то или иное действие. «Эта категория представляет специфику грамматического строя тюркских языков. Нам представляется, что и здесь напрашивается экстралингвистическая мотивация, связанная, с одной стороны, с политической системой, существовавшей у многих тюркских народов, живших несколько тысячелетий в условиях военных государственных образований, с жесткой системой принуждения, и с другой стороны, многовековая традиция возрастной иерархии, связанная с почитанием старших, выражающимся в беспрекословном им подчинении» (9).

3. «Такие модальные параметры действия, как достоверность/недостоверность действия, кажимость/некажимость действия, очевидность/неочевидность, возможность/невозможность ее осуществления, настроенность/ненастроенность на выполнение действия, осознанная необходимость, обязанность выполнить то или иное действие, постоянно сопровождают глагольное действие и выражаются с помощью грамматических аффиксов. Для носителя тюркских языков в этом проявляется особая психология. Даже если тюркский человек уверен в том, что то или иное событие наступит, он не будет это утверждать безоговорочно... В менталитете тюркского человека заложена осторожность в изложении, стремление не брать ответственность за передаваемую информацию, при этом предпочтительнее сослаться на кого-нибудь» (9).

4. Лексика кыргызского (а значит и любого тюркского) языка чрезвычайно богата так называемыми "изобразительными словами". Среди них выявляется огромный пласт глаголов, выражающих поведенческую палитру человеческих отношений: манеру говорить, манеру держаться, манеру есть, манеру ходить, сидеть, лежать, смеяться. Особую группу образуют слова, характеризующие внешность человека... Особенно незаменяемыми они являются в художественном стиле при составлении психологического и внешнего портрета героев (9).

«Исходя из антиномии тела и духа («раб тела и султан духа»), тюркские мистики («де-вир», «деврие») развивали учение о воплощении души. Поэты-дервиши ордена Бекташи различали три состояния: «гельдим, бюрюндюм, гёрюндюм» (пришел, перевоплотился, предстал, то есть воплотился). Четвертое состояние - это «донюш» (эволюция видов) или инкарнация (трансмиграция, метемпсихоз), то есть воплощение души то в облике растения, то в облике животного, то в облике человека. Низами пишет о «море души» (мотив из недр египетской и вавилонской жреческой мифологии), в котором нет земли, а есть только сера, серебро и алмазы. Именно в душе происходит медитация, самогипноз (22, с.31). Душа и для Физули главная категория творчества. Г. Гачев «вводит и более глобальные категории – «Космо-Психо-Логос», объединяя понятия, ранее витавшие разрозненно, в сложное единство, в «рабочую» категорию, которой неизбежно будут пользоваться идущие вслед за ним» (22, с.33) для понимания творчества тех, кто был до них – добавим мы.

Для исследования ментальности тюрков важными являются два произведения: «Кутадгу Билиг» («Благодатное знание», 1069 г.) Юсуфа Баласагуни, остающееся по сей день живой этической системой на языке поэзии; и второе – «первый словарь тюрков – словарь бограханского языка, составленный Махмудом Кашгари (1072 г.), вышедший в Багдаде с посвящением халифу Кара-Богра-Хакану, под покровительством и при дворе которого был создан. Он был написан для арабов, изучающих тюркский язык» (22, с.40).

Трудно представить, что Физули не был знаком с этими произведениями, или не был увлечен четырьмя персонажами «Благодатного Знания», олицетворяющими четыре субстанции: «Айтолды - счастье, Одгурмыш - отрешенность, Кюнтогды - справедливость и Одюлмюш - разум... «Эти четыре субстанции в поэме резонерствуют, полемизируют, терпят поражение, сомневаются и побеждают. Двое из четырех персонажей устраняются, как менее

существенные, и остаются двое последних, олицетворяющих Справедливость и Разум» (22, с.41, Прим.7). Мог ли Физули (и другие тюркские поэты) использовать следующую особенность метафизики своих народов: «Метафизические пословицы - это пословицы, конечная цель которых состоит не в констатации истины вслед за практикой, а в утверждении ее самой по себе, несмотря на практику и даже вопреки ей. Такие пословицы отражают следующую, более высокую ступень рефлексии, где вступает в силу свойственное «чистой» философии «мерцание» смысла, гармоническая противоречивость и двойственность, свойственная истине, когда она рассматривается как процесс, а не как цель» (22, с.60, прим. 8). Интересно, что «ислам ассоциируется не только с постом, самоотречением, но и с радостью («зевкли»), наслаждением («кейфли»), легкостью («колай»), покоем («рахат»). «Гузель» («прекрасный, красивый»), кажется, - самое употребительное и универсальное понятие. Это слово - как заклинание, как необходимый фон образа жизни...» (21, с.180).

В заключение представленной статьи рассмотрим особенности арабской, персидской и тюркской словесности и поэзии.

Основу и облик средневековой литературы исламского мира составили арабская доисламская словесность и нормы языка Корана. Уже в VIII в. в арабский «вливаются» элементы индоиранских и греко-эллинистических традиций: назидательные басни, притчи, этико-философские сочинения. Особенно заметное влияние на арабскую средневековую прозу оказала древнеперсидская словесность и ее эстетические принципы, корнями уходящие в древнеиндийскую культуру» (19, с.14).

В IX–XI вв. «персидская поэзия отличалась простотой выразительных средств (метафора, гипербола) и некоторым пренебрежением к словесной игре. Аллегоричность, иноказательность и общее усложнение лексики и поэтической формы характерно для персидской поэзии более позднего, так называемого «иракского» стиля (XIII–XV вв.)» (19, с.9). Уже с XI века после массового принятия тюркскими народами ислама в тюркскую поэзию стали проникать арабо-персидские формы стихосложения. «Как и в персидской поэзии того периода, особое развитие у тюркоязычных поэтов получила форма маснави, в которой вначале создавались в основном поэмы философско-дидактического, а несколько позднее, с XII в., и религиозно-мистического (суфийского) содержания. Наивысшего развития форма маснави достигла в поэмах лиро-эпического и приключенческого содержания (дастанах) в XIV–XV вв. Именно тогда выдающимися поэтами Средней Азии, такими как Лутфи и Алишер Навои, были созданы классические образцы этого жанра, ставшие предметом подражания во всем обширном ареале распространения тюркских мусульманских литератур, от Восточного Туркестана до Юго-Восточной Европы» (19, с.10).

«Словарь тюркских слов» (1072 г.) Махмуда Кашгарского и поэма «Благодатное знание» (1069/1070 г.) Йусуфа Баласагунского – центральные произведения начала тюркской словесности. Ее развитие в крупном плане следует связать с творчеством Алишера Навои (1441–1501) и Мухаммеда Физули. «Алишер Навои всю жизнь боролся за права чагатайского литературного языка (тюрки) в поэзии и прозе, и отражением этой борьбы явился его трактат «Спор двух языков» (см.18а)». Мухаммед Физули завершил начинание великого предшественника, став родоначальником тюркских литературных языков.

Использованная литература и примечания:

- 1.Абдуллах. Особенности арабского языка в передаче смысла вещей, 25 Февраль 2010 - <http://www.ar-ru.ru/nashr/2012-12-02-08-34-01/103-peredacha-smysla-arabskogo>
2. Абдулло Сафар. Персидский язык, культура и наследие. Что мы делаем не так? -7 июля, 2019 -<https://www.caa-network.org/archives/17506>
- 3.Азербайджанская литература - https://ru.wikipedia.org/wiki/Азербайджанская_литература
- 4.Акинина О.Г. Арабский язык как отражение сознания, культуры и духовной жизни его носителей в современном обществе - https://otherreferats.allbest.ru/languages/00926570_0.html

5. Арабский язык - [https://wikipedia.org/wiki/Арабский язык](https://wikipedia.org/wiki/Арабский_язык)
6. Арабский язык и мозговая активность, 25 июля 2019 - <https://proflingva.ru/blog/2019/07/25/arabskij-yazyk-i-mozgovaya-aktivnost>
7. Багиров Абузар. Певец священной любви -
8. В ладу с собой - <https://www.georgiatimes.info/analysis/101469.html>
9. Дербишева З.К. Национальный менталитет и его отражение в языке, 04/18/2007 - <http://www.lugovsa.net/p/59>
10. Изучение иностранного языка и аналитическое мышление (перевод исследования) - <https://ru-psiholog.livejournal.com/7734286.html>
11. Как изучение персидского языка влияет на мозг? - 18.09.2023 - <https://www.lingoplay.com/ru/persian-articles/how-does-learning-persian-affect-the-brain/#:~:text>
12. Лауфер Бэлла. – Иранский дневник - <https://lplib.ru/10-prichin-izuchat-persidskij-yazyk>
13. Многоязычие - <https://ru.wikipedia.org/wiki/Многоязычие>
14. Мурадов А. Н. Азербайджанский язык – один из древних тюркских языков - <https://infourok.ru/statya-na-temu-azerbaydzhanskiy-yazik-odin-iz-drevnih-tyurkskih-yazikov-3615490.html>
15. Обсуждение Физули - <https://ru.wikipedia.org/wiki/Обсуждение%3АФизули>
16. Особенности арабского языка - <https://yasko.livejournal.com/444322.html>
17. Почему у говорящих по-арабски мозг развит лучше, чем у говорящих по-немецки, 12 апреля 2023 - <https://dzen.ru/a/ZDbw8gVoDBX7VGcE>. – «Каждый дополнительный язык еще примерно на год сдвигает условную границу, расширяя ожидаемый общий ресурс человека» - *Величковский Б.М.* Конвергенция сознания и технологический прогресс // В мире науки. 2012, № 1, С. 6–7.
18. Психологические особенности различных этносов. Тюрки - <https://avrom.livejournal.com/351770.html> -
19. Суворов М. Н. Средневековая литература мусульманского мира: учебно-методическое пособие / М. Н. Суворов, З. А. Джандосова, А. И. Пылев; С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2015. – 151 с.
20. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. Евразийский временник. Берлин, 1925 - https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/1992/01/eoarchive_1992_1_092_trubetskoi.pdf.
21. Тюрко-персидская культура - https://ru.wikipedia.org/wiki/Тюрко-персидская_культура
22. Урусбиева Фатима. Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза. Сергиев Посад. «Весь Сергиев Посад», 2003, 207 с.
23. Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice 2021. Том 14. Выпуск 5. С. 1384-1389 | 2021. Volume 14. Issue 5. P. 1384-1389 - <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-muhammeda-fizuli-v-razvitii-kanonicheskogo-zhanra-gazeli-v-azerbaydzhanskoj-literature>
24. Фефилов А.И. Языкознание для студентов. - <https://staff.ulsu.ru/fefilovai/azikoznanie.htm>
25. Эль Сабрути Р. Р. Экспрессивный потенциал арабской речи. Текст научной статьи по специальности «Языкознание и литературоведение», 4 декабря 2018 г. - <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspressivnyu-potentsial-arabskoj-rechi>
26. Язык, на котором разговаривает человек, меняет его мировоззрение. DEVELOPER. НАРОД. 14.07.2010, - <https://gorod-812.ru/yazyik-na-kotorom-razgovarivaet-chelovek-menyayet-ego-mirovozzrenie>
27. https://pikabu.ru/story/uroki_farsi_10888455
28. Məhəmməd Füzulidə türk anlayışı - 12 Oktyabr 2021 - <https://www.dominant.az/mehemmed-fuzulide-turk-anlayisi>

Примечание 1: «Чтение текстов на арабском языке вовлекает в работу оба полушария мозга и стимулирует мозговую активность, что способствует развитию интеллекта. Левое

полушарие отвечает за языковые способности, контролирует речь, способность к письму и чтению, отвечает за логику и анализ. Правое полушарие позволяет мечтать и фантазировать, оно специализируется на информации, которая выражается в символах и образах. Арабская письменность настолько необычна, что заставляет мозг подключать и фантазию, и логическое мышление» (см.6).

Прим.2. Лексико-семантическая классификация экспрессивных единиц уникальна для каждого поэта и писателя, а потому должна изучаться в контексте поэтики ее создателя. Экспрессивность расширяет номинативные возможности словаря без увеличения числа слов, обладает национально-специфической чертой, демонстрирует национальную особенность менталитета. Внутренние законы языка организуют его функционирование, а общественно-исторический опыт носителей языка создает специфическую окраску мира.

Ритмическая и мелодическая организация поэзии не может жить без инверсии. В поэзии смысл передается структурой, которая требует употребления определенной рифмы и определенного стихотворного размера, поэтому его переводить весьма сложно.

Следует отметить, что экспрессивность высказываний, обеспечивающих и поддерживающих внимание и интерес реципиента, зависит от его мышления, социального уровня, образования, хорошего знания языка.

Прим.3: Шариф Шукуров демонстрирует, что происходит при смене алфавита, переориентации исторического сознания, любой радикальной смене основ мировоззрения: «Результатом этой насильственной переориентации исторического сознания таджиков явилось исчезновение буквально всех ремесел, качественной поэзии, постепенное исчезновение классической музыки. Не стало письменности, соответственно исчезло и искусство каллиграфии. Был нанесен жестокий удар по основам исторической памяти, переориентирован глубинный исторический детерминатив сознания. В сознании таджиков исчезло преклонение, любование письмом и книгой (достаточно взглянуть на качество издаваемых в республике книг и журналов), книга стала обиходом быта, но не важнейшим атрибутом бытия таджика. Сейчас наступило время, когда в глазах таджика-горожанина кириллица предстала письмом чуждым и мешающим его интеллектуальному росту. И от этого чувства нельзя отмахнуться, наклеив ему националистический ярлык, это желание естественно, объяснимо и свидетельствует о пробуждении исторического сознания, о стремлении возратить ценности прошлого, с тем чтобы более уверенно взглянуть в свое историческое будущее». Много лет назад устод Шариф Шукуров говорил: «Именно в письменности сложным, но самым непосредственным образом отражается специфика исторической и национальной памяти» (см.2).

Прим.4: Особенно важны замечания, сказанные Трубецким по поводу тюркской поэзии: «Относительно устной поэзии тюркских народов, приходится сказать то же, что выше мы сказали о музыке: если откинуть те формы поэзии мусульманских тюрков, которые явно навеяны арабскими и персидскими образцами, то в поэзии разных тюркских народов намечаются черты одного общего типа.

Так как в большинстве тюркских языков различия между долгими и краткими гласными не существует, а ударение, фиксированное на последнем слоге слова, не сознается говорящим как смыслообразующий ("фонологический") фактор языка, то тюркское стихотворение построено на числе слогов, т.е. является "силлабическим", точнее говоря, стихосложение это основано на правильном повторении "словоразделов" (границы между двумя соседними словами) через промежутки, заполненные определенным числом слогов. Звуковое однообразие начала и конца тюркских слов, вызванное последовательно проведенными и регулирующими всю тюркскую речь звуковыми законами, значительно облегчает пользование качественным ритмом, т.е. присоединение к основному силлабическому принципу стихосложения еще и второго, подсобного принципа в виде повторения в начале или в конце каждого метрического сегмента звуков одинакового качества. И действительно, в поэзии большинства тюркских народов существуют либо аллитерации, либо рифмы. При этом, сообразно со свойствами тюркских языков, подчиняющих гласные слова законам

гармонии, гласные при аллитерации и при рифме играют незначительную роль: биринджи (первый) может рифмовать с онунджу (десятый). Наряду с ритмом внешним, ритмом звуков, существует и ритм внутренний, ритм значений. Тюркская поэзия имеет решительную склонность к параллелизму. Поэтические произведения некоторых тюркских племен всецело построены на принципе параллелизма. Все стихи группируются парами, причем второй стих в каждой паре повторяет содержание первого другими словами; в тех редких случаях, когда первый и второй стих не тождественны по содержанию, они все-таки построены по одинаковой синтаксической схеме, так что остается по крайней мере формальный, синтаксический параллелизм. Дело в принципе, конечно, не меняется, когда стихи группируются не по два, а по четыре и когда параллелизм существует не между двумя соседними стихами, а между первой и второй половинами одного четверостишия.

...В этом творчестве мы видим опять те же психологические черты, которые уже отметили в языке и в музыке: сравнительную бедность средств при замечательно последовательной закономерности и схематичной ясности построения» (см. 20).

Прим.5: «Относительно устной поэзии тюркских народов приходится сказать то же, что выше мы сказали о музыке: если откинуть те формы поэзии мусульманских тюрков, которые явно навеяны арабскими и персидскими образцами, то в поэзии разных тюркских народов намечаются черты одного общего типа» (см.20)

... «мы получим достаточное представление о характере тюркского поэтического творчества. В этом творчестве мы видим опять те же психологические черты, которые уже отметили в языке и в музыке: сравнительную бедность средств при замечательно последовательной закономерности и схематичной ясности построения».

Прим.6: Тюрк любит симметрию, ясность и устойчивое равновесие; но любит, чтобы все это было уже дано, а не задано, чтобы все это определяло по инерции его мысли, поступки и образ жизни: разыскивать и создавать те исходные и основные схемы, на которых должны строиться его жизнь и мирозерцание, для тюрка всегда мучительно, ибо это разыскивание всегда связано с острым чувством отсутствия устойчивости и ясности. Потому-то тюрки всегда так охотно брали готовые чужие схемы, принимали иноземные верования. Но, конечно, не всякое чужое мирозерцание приемлемо для тюрка. В этом мирозерцании непременно должна быть ясность, простота, а главное, оно должно быть удобной схемой, в которую можно вложить все, весь мир во всей его конкретности. Раз уверовав в определенное мирозерцание, превратив его в подсознательный закон, определяющий все его поведение, в универсальную схему и достигнув таким образом состояния устойчивого равновесия на ясном основании, тюрк на этом успокаивается и крепко держится за свое верование. Смотря на мирозерцание именно как на незыблемое основание душевного и бытового равновесия, тюрк в самом мирозерцании проявляет косность и упрямый консерватизм. Вера, попавшая в тюркскую среду, неминуемо застывает и кристаллизуется, ибо она там призвана играть роль незыблемого центра тяжести - главного условия устойчивого равновесия. На этой особенности тюркской психологии основано странное явление: притяжение между психикой тюркской и семитской. Трудно найти две более различные, прямо противоположные друг другу психики. Можно показать, опять-таки на основании конкретных этнографических данных, языка, музыки, поэзии, орнамента, что психология семита разительно противоположна психологии тюрка. И тем не менее не случайно, что большинство тюрков - магометане и что тюрки-хазары были единственным в истории несемитским народом, сделавшим своей государственной религией иудаизм. Семит, выискивающий противоречия, находящий особое удовольствие в обнаружении противоречий и в казуистическом их преодолении, любящий ворошиться в сложно переплетенных и запутанных тонкостях, и тюрк, более всего ненавидящий тревожное чувство внутреннего противоречия и беспомощный в его преодолении, - это две натуры, не только не сходные, но и прямо друг другу противоположные. Но в этой противоположности и причина притяжения: семит делает за тюрка ту работу, на которую сам тюрк не способен, - преодолевает противоречия и подносит тюрку решение (пусть казуистическое), свободное от противоречий. И немудрено поэтому, что, ища необходимой базы для устойчивого

равновесия, тюрк постоянно выбирает такой базой плод творчества семитского духа. Но, заимствуя этот плод чуждого духа, тюрк сразу упрощает его, воспринимает его статически, в готовом виде, и, превратив его в одно лишь незыблемое основание своей душевной и внешней жизни, раз и навсегда мумифицирует его, не принимая никакого участия в его внутреннем развитии. Так, тюрки не дали исламу ни одного сколько-нибудь крупного богослова, юриста или мыслителя: они приняли ислам как завершенное данное (см.20).

Прим.7: Ф. Урусбиева пишет: «Счастье у тюрка - волевая категория, лишенная фатализма. В этом состоит отличие тюркского мировосприятия от мировосприятия буддизма, отрицающего божественную единую волю и утверждающего приход к «нирване» путем созерцания как акт индивидуальный, и христианства, призывающего отречься от себя во имя Бога. В тюркской же системе ценностей уместнее звучат такие императивы: «Расчетливым надо быть, твердым и властным... Всем верь, но надежно себя стереги». Тюркская этика утверждает: «Ведь жизнь твоя - дар, и нет дара ценней».

У тюрков легко сочетаются такие несоединимые, полярно разведенные в (условно говоря) европейской морали понятия, как «высокое» и «низкое».

Такая максима, как «умереть без страха, когда того потребуют обстоятельства», не противоречит для тюрка привязанности к жизни, пониманию ее огромной ценности на уровне инстинкта. Терпение сочетается с чувством собственного достоинства, распространяемым и наличность, и на род, племя.

Расчетливость сочетается с добротой... «Китайское недоверие» древних «Яс» и «Уложений» не служит помехой самоотвержению во имя долга – перед собой, перед «другим» («биреу») или перед народом. В тюркской этике нет и «готически» контрастного, абсолютизированного подхода ни к жизни и смерти, ни к долгожительству. Нравственная ось, находясь у центра «колеса», не допускает сильных отклонений и крайностей» (22, с.43).

Прим.8: «Мир для одного слишком просторен, а для двоих тесен», - в этой карачаево-балкарской поговорке огромное расстояние (и временное, и смысловое) между книжной философией и народной мудростью покрывается «одной строкой». Смелость образа, заключенного в ней, стягивает смысл одновременно чувственно и рационально. Она вмещает в себя целый комплекс чисто метафизических проблем и одновременно причастна к коренной проблеме бытия, включая в себя многие ее категории. Здесь и категория «ты» и «Я», и категория «тесноты» мира и его «просторности», то есть свободы, и категории гармонии и дисгармонии человека с миром, и сам мир (дуния) как материя и как «великая иллюзия» (22, с. 60).

MƏHƏMMƏD FÜZULİ YARADICILIĞININ TRİLİŇQVİZMİ

Əli Abasov

Svetlana Adıgözəlova

Xülasə. Məhəmməd Füzuli orta əsr müsəlman mədəniyyəti xadimlərinin nadir qrupuna aiddir. Onlar İslam sivilizasiyasının üç əsas dilində (ərəb, fars və türk) nəinki danışdırlar, həm də fəlsəfi, mistik, nəsr və poetik yaradıcılıq nümunələri yaradırdılar. Bu əsərdə Füzuli bəzən dilin köhnə və yeni kanonlarını dağıdan dil inqilabının həddinə çatmışdır. Türk dili sahəsindəki bu inqilabi yenilik yalnız XVI əsrin böyük şairi və mütəfəkkirinin yaradıcılığının bütün tədqiqatçıları tərəfindən tanınmır, həm də bu qrupun dillərinin formalaşmasında və hər bir türk xalqının tarixi dinamikasının spesifikliyi ilə inkişaf etdirilən konkret milli mentalitetə əsaslanan ədəbi dillərin müstəqil inkişafında dönüş nöqtəsi kimi şərh olunur. Məqalə səhnələşdirilmiş, problemlə xarakter daşıyır, M. Füzulinin trilingvizm ("üçdillilik") əsasında yaradılmış yaradıcılığı üzrə müasir və gələcək mütəxəssislər tərəfindən təhlil edilməli olan bir sıra fərziyyələr irəli sürür.

Açar sözlər: M.Füzuli, yaradıcılıq, mistisizm, din, fəlsəfə, dil, şüur, intuisiya, təfəkkür, trilingvizm.

TRILINGUALISM OF THE CREATIVITY OF MUHAMMAD FUZULI

Ali Abasov

Svetlana Adigezalova

Abstract. Muhammad Fuzuli belonged to a rare group of figures of medieval Muslim culture who not only spoke, but also created examples of philosophical, mystical, prose and poetic creativity in the three main languages of Islamic civilization (Arabic, Persian and Turkic). In this work, Fuzuli sometimes reached the limits of the linguistic revolution, which destroyed the old and erected new canons of language. This revolutionary innovation in the field of the Turkic language is not only recognized by all researchers of the work of the great poet and thinker of the XVI century, but also interpreted as a turning point in the formation of the languages of this group and their independent development to the state of literary languages based on a specific national mentality developed by the specifics of the historical dynamics of each Turkic people. The article is staged, problematic in nature, it puts forward a number of hypotheses that will have to be analyzed by modern and future specialists in the work of M. Fuzuli, created on the basis of trilingualism.

Keywords: M. Fizuli, creativity, mysticism, religion, philosophy, language, consciousness, intuition, thinking, trilingualism.

Rəyçi: f.e.d., prof. Ə.Abbasov